

О Брестской крепости знают многие. Но в истории Великой Отечественной войны была и другая крепость – единственная подземная. 170 дней, с мая по октябрь 1942 года, на окраине города Керчь жили и сражались с фашистами её защитники. Были среди заживо заточённых и сибиряки.

Этот очерк – мои преклонённые колени перед всеми, познавшими любую войну. Живыми и мёртвыми.

Керчь непокорённая

Город-герой отмечал юбилей Победы. Я заметила: ветеранов с военными наградами и вообще пожилых людей в Крыму меньше, чем в Сибири. Черноволосый круглолицый Сашок объяснил это так, как могут только дети:

– Непокорённая Керчь. За неё люди молодыми погибали.

Солнце по-доброму посматривало на синь Керченского пролива. Смугляк Сашок и белобрысик Петро с мальчишеской горячностью доказывали, что именно тут уникальное место. Во-первых, здесь встречаются и переливаются друг в друга два самых красивых моря – Чёрное и Азовское. Во-вторых, на окраине Керчи в Аджимушкае есть подземная крепость. Чувствовалось, друзьям хотелось поговорить о непокорённой фашистами Керчи.

Оба мальчика, перегоняя друг друга словами, рассказали, что в крепость вошло более десяти тысяч человек. Через 170 дней на поверхность вышли двадцать. Друзья доказывали, что не увидеть подземную крепость – не узнать по-настоящему о тех далёких событиях. Сашок вновь сразил совсем не детскими рассуждениями:

– Выйдете из крепости и поймёте, что жизнь – дело не вечное. Мы с Петром уже знаем это.

В сорок втором году, чёрном от горя, красном от крови, тысячи мирных жителей на суше искали спасение от фашистов. Но нигде не находили. Отряд командира полковника П. М. Ягунова прикрывал и обеспечивал переправу. Комиссаром подразделения был новосибирец С. М. Исаков. Отряд укрывался в Больших (Центральных) Аджимушкайских каменоломнях и действовал в соответствии с радиограммой командующего Крымским фронтом: «Отход и эвакуация вашего участка обороны по особому приказу». Ни вперёд, ни назад двигаться было невозможно: танков нет, пушек тоже.

Поражение и ликвидация Крымского фронта произошли девятнадцатого мая. Двадцать первого числа подразделения, охранявшие подступы в катакомбы, группы и отдельные военнослужащие Красной Армии независимо от прежней принадлежности были сведены в отдельный полк обороны Аджимушкайских каменоломен. Так появилась подземная крепость. Командиром и начальником гарнизона был назначен П. М. Ягунов, старшим политруком – наш земляк С. М. Исаков, уроженец Здвинского района. Здесь же служила уроженка села Маршанка Каргатского района А. П. Плотникова. Их короткие биографии закончились в Керчи и сегодня уложились в несколько строк областной Книги Памяти. Уверена, сибиряков в катакомбах было много, следовательно, и погибло не двое. Подтвердить это трудно – документы

рядом с телами не клали. Тот же Исаков числится без вести пропавшим.

Катакомбы – место многовековой добычи строительного материала камня-ракушечника. Отработанные галереи, мрачные и холодные, не приспособлены для проживания. Малые катакомбы двухъярусные, протянулись на пятнадцать километров. Большие – на шесть короче и представляют собой лабиринты. В них и зашли люди в погонах и местные жители. Точное количество историков не называют. Местное население разместилось в дальних галереях. Военный гарнизон расположился в ближних. Каменоломни к обороне не готовы, поэтому спецзапасов не было. Хорошо, что керчане принесли с собой кое-какой домашний скарб, продукты.

Задачи у воюющих сторон были разные. У аджимушкайцев – помощь фронту в условиях круговой обороны. У фашистов, боящихся красного прорыва к Керченскому проливу, – уничтожение очагов сопротивления. Вот почему фашисты обнесли катакомбы колючей проволокой, за которой установили пулемёты, а у главного входа – и танки. С первых дней катакомбы взрывали, тогда аджимушкайцы уходили в их глубь. Когда замурованные возвращались в свои штольни, гитлеровцы рушили сваи сразу в нескольких местах. Несколько раз фашисты травили газами защитников крепости. Страшной смертью погибали бойцы и мирные жители.

Катакомбы

И вот я у катакомб. Экскурсовод советует надеть тёплые вещи – их выдают перед входом в крепость. Опускаемся по каменным ступенькам вниз. Предстоит пройти маршрут чуть более процента Больших катакомб. В каменоломнях темно, безветренно, сыро и холодно. Чем глубже в каменоломни, тем

темнее и холоднее. Здесь от шести до тринадцати градусов. И вот мы уже в полнейшем мраке. На полминуты экскурсовод выключает фонарь – освещения в этой галерее нет. Жутко, зябко.

Когда-то сюда было тридцать входов. Их высота – от чуть более полутора метров до восьми. Ширина – от двух с половиной до десяти метров, даже повозки и машины входили. Входы – обоюдоопасные места для воюющих сторон. Фашисты через них могли нагрянуть в любое время. Поэтому аджимушкайцы сразу же взялись за строительство оборонительных стен с амбразурами, которые охранялись вооружёнными постами. Входы – опасность и для исполнителей плана Барбаросса. Защитники крепости тоже могли через них проникать наверх. Поэтому фашисты взрывали и забрасывали проходы авиабомбами.

Боевые группы аджимушкайцев через образовавшиеся от взрывов воронки и известные местным жителям щели, а то и разведывательные лазы выходили из подземелья выполнять боевые задания. Такими же скалистыми и опасными лабиринтами добирались жители подземелья до подполов домов. До сих пор историки и военные изучают разведывательные ходы и лазы.

Настоящий ад

Как же аджимушкайцы перемещались во мраке катакомб, переносили раненых, находили свои штольни? Защитники крепости не обходились без источников света. Керчане принесли с собой керосинки, фонари, «летучки». Слабо, но поддерживали костры всем, что могло гореть, а топливо добывали во время опасных ночных вылазок.

Когда горючее было на исходе, в ход шли заменители. Представьте: ослабленный голодом и жаждой, измученный

смордом и чернотой подземелья, потерявший счёт времени еле передвигается то ли человек, то ли скелет. На его шею наброшен телефонный кабель, конец которого подождён. На полметра видно, дальше вновь темно. Путевым ориентиром в подземелье служила и проволока. Например, её натягивали по верху стен. Люди, ослабленными плетями-руками, нащупывали «проволочную дорогу».

Однако не только тьмою проверяла аджимушкайцев подземная жизнь. Голод – страшнейшее испытание. Майору А. И. Пирогову поручили самый ответственный сектор обороны крепости – продовольственный. Заходя в каменоломню, керчане принесли скудные запасы, привели скот. Содержать его было невозможно, что и решило участь животных. Сначала зарезали коней, затем коров и коз. Паёк был крайне скуден и всё уменьшался. Когда-то это было пятнадцать граммов концентратов или мяса, десять – жиров, столовая ложка муки, сто граммов сахара. Потом и сахарных крошек не было. Когда продовольствия не осталось, в ход пошли свиные ремни. Их нарежали лапшой и варили. Кидали в котлы кусочки кожаной обуви. Изобрели ловушку для крыс. Появилось и новое блюдо – супочай. Ценою жизни аджимушкайцы выбирались наверх. Ночами пробирались к родной земле, собирали траву, если везло, колосочки.

Источников воды в посёлке мало. Водоносный слой в Аджимушкае заключён в глубине скалы. В него врезаны два наружных колодца. Сюда из каменоломен выходили просторные штольни. Через них и пробивались к колодцам.

Когда фашисты завалили оба колодца, перед защитниками встал вопрос жизни и смерти подземного гарнизона. Нет воды – нет борьбы. А это невыполнение особого приказа. И аджимушкайцы погибали, но делали подкоп под один из колодцев. К тому времени (июль) в подземелье оставалось примерно три тысячи человек.

Земляки

Было в подземелье ещё одно страшное испытание – боль. Оно усугубилось тем, что унять страдания было нечем. Наступило время, когда медики располагали только марганцовкой и выгнанным специально для госпиталя самогоном. Такое лечение и принимал раненый С. М. Исаков.

Сергей Михайлович прибыл на фронт в составе 133-й стрелкой дивизии, ушедшей из Новосибирска и показавшей фашистам под Москвой, кто такие сибиряки. Первое сражение за столицу закончилось ранением. Второе – в ногу – он получил в Аджимушкской крепости от взрыва гранаты. До войны Сергей Михайлович организовывал колхозы, заведовал молочно-товарной фермой, возглавлял райком комсомола. Поэтому старики ордынских сёл Спирино и Долганка помнят этого крепко сложенного и красивого человека с ясными глазами и открытым лбом.

Однажды перестали приходиться треугольники родным. Семья получила извещение: пропал без вести. А вот и нет. Земляк погиб по-аджимушкайски. Из крепости писем не отправляли, иначе родные сами узнали бы о его выдержке и сибирской стойкости... Ампутацию ноги Исакову делали без обезболивания. Как всем для забвения дали стакан самогона. Пока доктор орудовал обычной пилой и сам чуть не потерял сознание, оперируемый курил одну за другой сигарки с крепким табаком. Их крутил сидящий рядом помощник начальника подземного гарнизона по тылу С. Т. Колесников.

Я видела эту операционную. Под потолком натянута простыня. Она защищала раны и больных от сыпавшейся сверху ракушечной крошки. Возле хирургического стола – железная солдатская кровать. На такую же переложили после операции и Сергея Михайловича. Земляка уважали, ценили: честный,

прямой, неробкий. Солдаты соорудили политруку «протез». Исаков уже вставал. И если от гангрены он спасся, ампутацию достойно перенёс, то от голода умер.

Фельдшером в госпитале служила А. П. Плотникова, родом из соседнего Каргатского района. На фронт Александра Петровна ушла из села Кочки, где возглавляла комсомольскую организацию райздравотдела, была депутатом районного Совета. Александра Петровна – одна из последних, видевших Исакова. С собою в вечность унесла однополчанка тайну места захоронения земляка.

В предпоследний октябрьский день 1942 года гитлеровцы победоносно сообщили миру: закончились военные действия против двадцати защитников подземного гарнизона. Так крепость опустела...

И вот я опять в катакомбах на экскурсии. Да не одна: вместе с Сашком и Петром поехали их мамы. Розы цвета крови мы положили на хирургический стол госпиталя. Мальчишки пообещали, что будут привозить сюда самые красивые цветы из своих садов.

А потом группа подошла к другому месту экскурсионного маршрута. Здесь всегда наступает молчаливое людское оцепенение. Перед нами железный остов детской кровати. На ней когда-то спал маленький человечек. Задохнулся ли он от газового удушья, погиб ли от голода или дизентерии – не знаю. Сотни игрушек у ножек кровати. Я усадила рядом с ними крохотную куколку. Сашок положил мячик. Тот вдруг покатился, словно направляемый невидимой детской ручонкой...

Из мрака подземелья мы выходим молча. Аджимушкайцы выполняли особый приказ – спасали родную землю.

А спасём ли её мы?